

Трибуна молодого журналиста

№9(31)
декабрь
2001

Приложение к газете Московской консерватории «Российский музыкант»

НА НОВОГОДНЕМ ПОРОГЕ

Декабрь — особый месяц. Хотя на улице все холоднее, а убывающий световой день усиливает меланхолию, да и конец семестра с нависающими долгами в виде незавершенных курсовых и несданных семинаров, наверное, изрядно портят настроение, но все же подспудно, где-то на подкорковом уровне зарождается и растет предчувствие скорых праздников. Остается всего ничего, «еще немного, еще чуть-чуть» и... вот он — Новый год, а с ним и рождественские елки, с их блеском и божественным ароматом леса прямо в доме, подарки, и, главное, ожидание счастливых и чудесных перемен. На таком фоне никакой холод и гололед, никакая грядущая зимняя сессия не страшны.

Декабрь — и время подведения первых итогов. насыщенная концертная жизнь осени, обилие музыкальных событий, трудности и консерваторской, и внеконсерваторской жизни — все привлекает внимание молодых авторов. Умение обобщать, за разбросанными частностями увидеть целое, тенденцию, мимо которой уже не следует проходить — важное профессиональное качество, которое каждый, кто «берется за перо» (а сегодня точнее — садится за компьютер!), стремится обрести.

В середине декабря вроде бы еще рано устраивать новогоднюю «бузу» на печатных страницах. А в январе — уже будет поздно. Так что будем считать нынешний номер «Трибуны» — не новогодним, но предновогодним. В нем переплелись разные настроения, но пульсирует свежий и пристрастный взгляд молодой музыкальной журналистики на окружающий мир и себя в нем, на все, что звучит и притягивает внимание. И взгляд этот направлен в будущее как широко распахнутые глаза малыша.

Счастливого и успешного грядущего Нового года всем!

Проф. Т.А. Курышева,
художественный
руководитель «Трибуны».

Человеку три года. Он едва научился говорить, но слушать умеет уже давно...

Человеку три месяца. Мы летим в другую страну. Аэропорт, таможня, самолет, опять таможня. Много часов в дороге. Человек не издает ни единого крика, потому что я все время тихонько пою ему на ушко. Это волшебное средство помогает нам во всех критических ситуациях, и при этом не стоит ничего, и не весит ни грамма.

Человек уже умеет передвигаться. Пока на четвереньках. Ему интересно все, и нет ни минуты покоя. Но как только бабушка включает музыку, человек замирает на руках. Он внимательно смотрит на мигающие лампочки музыкального центра и 24 минуты слушает концерт Бетховена. (Такую концентрацию внимания никогда не видела у детей на уроках музыки и литературы. Вот бы им так слушать!)

А еще человек учится извлекать звуки из всего, что есть в доме, от пианино до сковородки. Бедные наши уши уже привыкли к оглушительному «фортиссимо». Интересно, как соседи?

Совсем неплохо человек говорит целых пять слов: дай, мама, папа, кошка, Бах. Зато читает он всего одно из них — последнее. Никто ему это слово не показывал, а он

МИР ЗВУЧИТ

находит его на всех кассетах и компакт-дисках, и на русском, и на немецком. Портрет Иоганна Себастьяна — самая любимая картинка — тоже узнает везде, где увидит. Совсем уже недавно спрашиваю: «Тебе какую сказку рассказать?» Отвечает: «Про Баха». Так в три года человек начал курс истории зарубежной музыки. На втором месте Шуберт, но про него пока рассказать не просит.

На фортепиано у нас жи-

вут герои сказок. Человек охотно играет импровизации «Как медведь рычит», «Как птички поют» и «Как колобок катится». На слух различает регистры «папин», «мамин» и «ребячий». Гитара в нашем доме называется контрабасом, в связи со сложившимся у человека способом игры на ней.

Теперь к человеку приходят в гости друзья, и он очень гордится, что именно его мама играет и поет ребятам

песни. Сам человек, правда, почему-то не поет. Да и говорить стал совсем недавно, но все больше нараспев.

Мультфильмы человеку пока не показывают. Но тем большее впечатление на него производит видеокассета с «Петей и волком» Прокофьева. Уже который раз он еле живой замирает у экрана, когда волк проглатывает утку. Его и самого зовут Петя, и он тоже страшно храбрый. Но сам почему-то идентифицирует себя с волком, а не с победителем волков.

Человек слышит музыку во всем. Осенний тихий солнечный день. Мы на даче, ведем на тележке дрова, колесо у тележки скрипит. Петя говорит: «Мама, колесо поет?» Уже вечером издалека слышим шум какого-то мотора (видимо газомоторная где-то работает). Туман скрадывает неприятную резкость звука, обволакивает все обертонами эха. «Мама, это музыка?» — спрашивает Петя.

Человек слушает. И слышит, а мы, музыканты, так часто ничего не слышим, кроме определенных аккордов и созвучий. Кем человек станет — физиком или композитором — неизвестно. Но так хочется, чтобы он не потерял ключик от дверцы в мир звуков.

Ольга Зубова,
студентка III курса

РОЖДЕСТВО В СЕНТЯБРЕ

25 сентября в театре Покровского состоялась премьера «Ростовского действия» или «Рождественской драмы», написанной в конце XVII века св. Димитрием Ростовским. Для меня она стала открытием музыкального языка и драматургии того времени. Как мало звучат в наше время произведения, созданные в России за пределами XIX, и уж тем более XVIII века! А между тем «Рождественская драма» — замечательный образец того, как создавали музыку на периферии времен и стилей.

Здесь еще нет того полного проникновения западноевропейского, которое появится чуть позже, но есть уже некоторые его приметы. Прежде всего, это сам жанр, берущий свое начало в различного рода католических мистериях, историях, предполагающих синтез сцениче-

ского действия и пения (хорового, ансамблевого, сольного) с сопровождением. Вторых, это введение аллегорических персонажей. В драме Ростовского это Натура Людская, Любовь, Ненависть, Зависть, Добро и т. д. В-третьих, это некоторые ладогармонические особенности, которых, впрочем, не так много. Автор органично переплавляет эти новые элементы в единое, цельное и, можно сказать, специфичес-

кое русское произведение. Так например, единственным инструментом, сопровождающим действие (кстати, в аллегорических сценах) становятся гусли, и музыкальный язык в большой степени близок русской народной песне или церковному пению того времени. Однако самое поразительное — прорыв той самой русской тоски в плаче Рахили, который был бы совершенно неуместен в западной музыке или в русской же

музыке немного позднее. И драматургия произведения выстроена очень динамично, благодаря сценическому и музыкальному, а подчас и стилистическому контрастам (последним интересна сцена пастухов и ангелов).

Драму поставили актеры труппы Покровского, в основном, сравнительно молодые. Очень тронула их искренность и серьезность в интерпретации; особенно поразил плач Рахили, исполненный талантом. Замечательна была и игра Ирода и слуг, немного напоминавших бородинских Скулу и Ерощку.

Хотелось бы, чтоб такие произведения в таком замечательном исполнении звучали почаще. Это приоткрывает нам все еще неведомую историю русской старинной музыки, драмы и... Рождества Христова.

Нина Старостина,
студентка III курса

ОДИН ДЕНЬ С ТЕОРЕТИКОМ ОПЕРНЫЕ ДИВЫ

С Ю З А Н Н А

«Ни сна, ни отдыха измененной душе...» Вспомнили до боли знакомого Князя Игоря? Спешу вас огорчить, вы ошиблись. Эта меткая характеристика существования теоретика с сентября по июнь. С утра едва открыв глаза и озонав начало очередного прекрасно-познавательного этапа своей жизни, мчусь в любимое учебное заведение с бутербродом в одной руке и ксероксом Струков Шопена вперемешку со Структурами Булеза — в другой. Переполненная острой жаждой знаний врываюсь в библиотеку (предварительно сверкнув студенческим билетом перед любяще-нежными взорами местных Церберов) и... В общем, весь день купаюсь в божественных лучах музыкальных и литературных шедевров. При этом, будучи натурой старательной, пытаюсь как губка впитать всю полезную (?) информацию и разложить ее в инвентарно-правильном порядке. А вот тут-то и незадача: мой мозг, этот уникальный сосуд знаний наотрез отказывается быть подобием бездонного колодца. Наступает перегрев самой ценной части человеческого существа, в результате чего я оказываюсь способной размышлять лишь на одну тему, важнейшую в данный момент, тему курсовой работы.

Говорят, жизнь человека по своей природе полифонична, и сплетение порой совершенно различных мыслей и чувств, внешних обстоятельств и личных поступков образуют неповторимую атмосферу, определяющую смысл человеческого бытия. К сожалению, на сегодняшний день это положение едва ли соотносимо со мной. Более вер-

ное определение — гетерофония жизни, ибо все вращается вокруг некоего «древа творчества», выросшего на почве американской музыки (которой и посвящена моя работа). Поэтому, смущенная правдивым замечанием педагога о явной нехватке музыкальных впечатлений в моей жизни, я ринулась восполнить этот пробел с помощью искусства американского континента. Так я очутилась в Большом зале консерватории на концерте музыки композиторов США в исполнении *Дениса Мацуева, Александра Рудина* и Российского национального оркестра. Дирижировал *Кристиан Ганш* (Австрия).

Откровенно признаюсь, я стала свидетелем предельно контрастных, причудливо переплетающихся явлений. Оставлю в стороне этику — во время исполнения внепрограммного сочинения в память жертв террористического акта в Нью-Йорке и Вашингтоне — *Adagio для струнного оркестра* С.Барбера — раздавались жизнерадостные звонки сотовых телефонов. Позволю себе произвести несколько слов по поводу самой музыки. В концерте прозвучали сочинения С.Барбера (кроме названного *Adagio — Виолончельный концерт*), *Рассодия в блюзовых тонах* Дж.Гершвина, *Дивертисмент и сюита «Вестсайдская история»* Л.Бернштейна. Построение программы напомнило идею французской оперной увертюры XVII–XVIII веков (принцип медленно-быстро-медленно-быстро). Только в данном случае различия были не темпового, а стилистического характера. В итоге, в сознании слушателя соединились два музыкаль-

ных мира. Произведения Барбера в духе романтизма, искаженного катаклизмами XX века, мирно (?) соседствовали с сочинениями Гершвина и Бернштейна, пронизанными нервными, нарочито обостренными пульсом и образностью джазовой эры. При таком сопоставлении разных, как в отношении музыкально-выразительных средств, так и творческих задач, произведений, слушатель наверняка отдаст предпочтение не авторитетному жанру классико-романтического концерта Барбера, а гораздо более яркому, образно-рельефному, максимально обращенному к слушателю мюзиклу Бернштейна («Вестсайдская история») и гениальной Рассодии Гершвина.

Преимущество последних не умаляет даже несколько эмоционально отстраненное исполнение, которому не доставало ощущения танца на языках пламени, вибрации раскаленного воздуха, почти осязаемого. Впрочем, эти детали не смогли повлиять на радость встречи с хорошо знакомым и совершенно неизвестным. А что касается сложного контрапункта и контрастной полифонии нашей жизни, то приведу высказывание латиноамериканского композитора Карлоса Чавеса: «Жизнь рождается посредством противостояния идей». Поэтому вряд ли стоит превращаться в приверженца монодического типа мышления (как случилось сейчас со мной), ибо весь окружающий мир контрастен и противоречив, и в такой гармонии противоречий, возможно, заключается главная загадка человеческой жизни.

Ирина Тушинцева, студентка III курса

МУКИ ПЕДАГОГИКИ

Есть в Москве местечко, недалеко от Тверского бульвара, за Mc'Donalds'ом, неприметное, но по важности своей достойное нашего внимания. Речь идет о Московской Хоровой Капелле мальчиков, что находится по адресу Палашевский переулок, дом 3. В Капеллу приходят маленькие, хрупкие, с тоненькими и нежными голосками мальчики с желанием петь в хоре, если повезет — в концертном, а значит с поездками. Закончив обучение в капелле, многие продолжают музыкальное образование, поступая в музыкальные училища. Но в этом ценном учебном заведении катастрофически не хватает педагогов.

На протяжении одиннадцатилетнего обучения все учащиеся, освоив в первой половине дня общеобразовательные предметы и пообедав, остальное время в «продленке» дисциплинируются в музыкальном направлении. В этом им помогает

хранительница порядков и единственная их законодательница — директор Капеллы Нинель Давидовна Камбург, под чьим началом очень методично и заботливо осуществляется контроль за учащимися.

Однако, педагогам, особенно молодым, без преподавательского стажа здесь местечко всегда найдется. И копят они опыт, и получают свою «зарплату» (по восьмому разряду: за 18 часов — 608 руб.) до седины на висках. Но милосердная Нинель Давидовна по доброте, наверное, душевной предлагает всем не брать полную нагрузку, а удовлетвориться половинкой ставочки, чтобы для начала «попробовать». И действительно, испробовать предстоит многое. А самое главное, многому следует подучиться: например, каждый раз, приходя на урок по музыкальной литературе, предмет своего рода интимный, около тридцати детишек, детей, юношей насмешливо

следят за учителем. Тот в очередной раз должен отмыть пластинку от налипшей, смешанной со жвачкой грязи (если пластинка до сих пор не треснула), затем подыскать грузик, положить его на «лапку» проигрывателя и тогда... музыка зазвучит! Музыка так же может прозвучать и из-под пальцев самого учителя, если тот сумеет добыть нужные ноты, которых, как правило, нет в комнатенке, называемой Библиотекой. Да и уроки сольфеджио сохраняют старинный уклад, благодаря не только испытанным десятилетиями учебным пособиям, но и традиционной, густоседебородой методике преподавания.

Поистине спартанские условия предлагает Нинель Давидовна Камбург для обучающихся и обучаемых в Московской Хоровой Капелле мальчиков, что находится по адресу — Палашевский переулок, дом 3. Неудивительно, что педагогов там до сих пор не хватает!

Екатерина Стародубцева, студентка III курса

Каждый, кто знаком с музыкой, знает это выражение — оперная дива. Некоторые встречают его в статье о светском скандале, другие слышат в сообщении о приезде оперной звезды. В любом случае, оперная дива — не только красивая метафора, но и положение, статус главной героини оперы. Даже если центральное место занимает герой мужского пола, то всегда рядом находится героиня, «перетягивающая» на себя значительную часть зрительского внимания. Не мудрено, что слушая оперу на пластинке или аудиокассете, всегда представляешь себе героиню... К сожалению, не всегда собственный образ совпадает с тем, что видишь на сцене.

Смотрела я как-то «Свадьбу Фигаро». С моего места был виден только кусочек сцены (как я потом поняла, это был лучший вариант). Полилась знакомая музыка, я замерла в предвкушении появления Сюзанны. Наконец-то! Слушаю (не видя) искрящийся дуэт первого действия и вдруг ухо улавливает непонятный звук на сцене. Заинтересовавшись происходящим, срочно разыскиваю свободное место пониже, где сцена просматривается полностью, и пробираться ту-

да. Вижу: матрас посреди пустой сцены, Фигаро, меряющего шагами пол, и Сюзанну, шаловливо болтающую ножками на том самом матрасе.

Не спорю, задумка постановщика была бы очень живой и интересной с грациозной и кокетливой Сюзанной. Но телосложение этой Сюзанны не позволяет таких прытких передвижений, эффект возникает совершенно другой — комический, а публика, соответственно, смеется.

Далее я старалась не смотреть на сцену, но слушать с прежним соучастием так и не смогла.

По пути домой вспомнила аналогичную ситуацию на премьере «Ивана Сусанина» в этом же театре. В той постановке Антонида своим молодецким видом и шириной фигуры затмила тшедушного Сусанина и исчезнувшего за спиной невесты Собинина. Дома ставлю любимую пластинку с финалом первого действия «Свадьбы Фигаро». Закрываю глаза и стараюсь представить ту «мою» кокетку, которая очаровала и Фигаро, и графа, и Керубино, и все мужское население оперы. Но перед глазами маячит «большая» Сюзанна из Большого театра...

В И О Л Е Т Т А

После нескольких неудачных походов в оперу я решила оперу не смотреть, а только слушать. Но недавно одна знакомая, зная о моих печальных опытах, с таинственным и торжествующим видом дала мне «на ночь» видеокассету с фильмом-оперой «Травиата» в постановке Франко Дзеффрелли. И вот дома, на кухне, в начале первого ночи, с карандашом в руке (примеры по полифонии на завтра!) я включаю видеоманитофон и жду начала с настороженностью обманутого зверя. Вступление... Холодный, синий мрак, призрачные силуэты в опустевшем доме Виолетты и вдруг — сияние огней и начало бала. Пелену мрака пронизывают прохладные флейты, согреты пламенем свечей, и теплый воск скрипок и виолончелей... Я замираю — вижу глаза Виолетты — огромные, темные, бесполойные, отражающие все: блеск вечера, вспыхнувшую надежду, неверие в счастье, радость, тоску, отречение... И сама Виолетта — гибкая, стройная, хрупкая царит, умело направляя всеобщее веселье. Полифония забыта, я стараюсь не упустить ничего из ошеломляющего зрелища. Трезвый ум теоретика, обычно следящий за формой и отмечающий драматургические линии, крепко спит. Действие

воспринимается через эмоции: незнание итальянского языка, кухонная обстановка, и качество видеокассеты никак не мешают. Ощущение, что все происходит сейчас, в данный момент, единым порывом: бал — знакомство — объяснение — приезд отца — решение — разлука. И наизусть зная сюжет, все равно надеешься на волшебное «вдруг»...

Второе действие. Те же свечи, но нет тепла нежности, а только огарок былого счастья. И опять Виолетта одна среди всех в своем унижении и одиночестве. Меня злит глушь Альфреда и хочется, не довольствуясь спокойными увещаниями Жермона, высказать ему все и сразу. Третье действие жду с возрастающим напряжением. Опять полумрак, уже настоящее одиночество, веселье города под окнами не вносит света. Плачущие, «потухшие» скрипки. Альфред приходит, но поздно. Дуэт с ретроспекцией: лес вокруг загородного дома Виолетты, воздух наполнен солнцем, лучи проникают сквозь листву и играют золотыми бликами. Последний взгляд: белеет платье Виолетты, упавшей на темный пол, затухающая люстра, полумрак...

София Караванская, студентка III курса